

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017810-4

“Возможность Тверитинова”: заметки комментатора

© 2021 г. И. А. Кравчук

внештатный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, д. 4
kolesovan@gmail.com

Резюме. Статья посвящена небольшому отрывку из записной тетради Ф.М. Достоевского к роману “Бесы” (РГБ, ф. 93, I.1.5, стр. 60), в котором упоминается “возможность Тверитинова”. Смысл этой записи до сих пор не получил удовлетворительного объяснения. Идентификация Тверитинова как второстепенного участника русского революционного движения и переводчика А.Н. Тверитинова, впервые гипотетически предложенная Е.Н. Коншиной и поддержанная составителями Академического Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского, видится ошибочной. Представляется, что речь идет либо о вымышленном герое публицистических диалогов Д.Ф. Самарина, либо о московском религиозном вольнодумце Д.Е. Тверитинове. В статье подробно разбираются оба предположения.

Благодарность: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00263 «Комплексная автоматизированная база данных “Объединенный цифровой архив рукописей Ф.М. Достоевского”».

Ключевые слова: Достоевский, “Бесы”, Тверитинов, Д.Ф. Самарин, сектантство, иконоборчество.

Для цитирования: Кравчук И.А. “Возможность Тверитинова”: заметки комментатора // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 30–45. DOI: 10.31857/S241377150017810-4

“The Possibility of Tveritinov”: A Commentator’s Notes

© 2021 Igor A. Kravchuk

Visiting Research Fellow at the
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
4 Admiral Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
kolesovan@gmail.com

Abstract. The article considers a small excerpt from the notebook of F. M. Dostoevsky for the novel “The Possessed” (RGB, f. 93, I.1.5, p. 60), which mentions the “possibility of Tveritinov”. The meaning of this record has not yet received a satisfactory explanation. The identification of Tveritinov as a secondary participant in the Russian revolutionary movement and translator A.N. Tveritinov, first hypothetically proposed by E.N. Konshina and supported by the compilers of the Academic Complete Works of F.M. Dostoevsky, seems erroneous. It seems that we are talking either about the fictional hero of journalistic dialogues of D.F. Samarin, or about the Moscow religious freethinker D.E. Tveritinov. The article deals in detail with both assumptions.

Acknowledgements: The article is supported by the Russian Science Foundation (project 18-18-00263 «Integrated Automated Database “United Digital Archive of F.M. Dostoevsky”»).

Key words: Dostoevsky, “The Possessed”, Tveritinov, D.F. Samarin, sectarianism, iconoclasm.

For citation: Kravchuk, I.A. “*Vozmozhnost Tveritinoва*”: *zametki kommentatora* [“The Possibility of Tveritinov”: A Commentator’s Notes]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 30–45. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017810-4

Подготовительные материалы Ф.М. Достоевского к роману “Бесы”, несмотря на колоссальную работу, сделанную несколькими поколениями историков литературы и текстологов, всё еще содержат в себе записи, не получившие пока адекватного научного комментария либо допускающие различные истолкования. В этой статье мы бы хотели подробнее остановиться на одном из таких случаев, поспорить с общепринятым объяснением и поделиться собственными предположениями.

В тетради III (РГБ, ф. 93, I.1.5) на стр. 60 читаем: “Заметка важная: Фабричные у Шатова. Возможность Тверитинова. Одни вольнодумцы и отрицают, по своему, эти с Нечаевым (и всё не то). Другие осторожнее, у Шатова, слушают возражения, желают просветиться. Нечаев лопается с раскольником.

Характеры и типы народные в роде как из мертвого дома.

ВВ важное: Нечаеву приготовил дорогу инженер; он первый затеял сношения с фабричными”.

Запись, по всей видимости, относится к сентябрю 1870 г. Выше нее на листе – абзац: “Инженер провез прокламации, рассыпал на юге на фабрике, с Фельдой и проч. Исполнитель у Нечаева, рассуждая так: Если узнают, то схватят одного меня. Я же сделаю признание на бумаге и застрелюсь, ибо мне Это все равно”.

На развороте весь текст, посвященный распространению прокламаций, четко отделен от фрагмента “2^а Заметка важная”, где Достоевский характеризует губернаторшу фон Лембке, ее политические пристрастия и взаимоотношения с нигилистами.

В приведенном фрагменте нас больше всего будет интересовать словосочетание “Возможность Тверитинова”, вынесенное в заголовок статьи. Необходимо заметить, что Е.Н. Коншина и составители *Акад. ПСС* расшифровывают фамилию как “Тверитинов” (см. [2, с. 242]; [ППС₁, XI, с. 234]). Как нам кажется, и в рукописном тексте читается довольно отчетливо, так что в дальнейшем мы будем писать именно “Тверитинов”. Кто же это такой?

Первую и, как мы понимаем, на сегодняшний день единственную догадку на этот счет предложила Е.Н. Коншина. Исследовательница

допустила, что Достоевский мог подразумевать здесь А.Н. Тверитинова (1846–?). Это допущение было основано как на теме отрывка, так и на упоминании фамилии Тверитинова в материалах следствия по делу нечаевской организации. Коншина ссылается на публикацию писем Н.Д. Горемыкина журналом “Красный архив”. Служащий III Отделения, Горемыкин был в 1869 г. командирован в Москву для содействия расследованию нечаевского дела с помощью документов и вещественных доказательств, изъятых в книжном магазине А.А. Черкесова. В донесении петербургского чиновника от 8 января 1870 г. читаем: “До сих пор мы не можем отыскать дворянина Дмитрия Егоровича Коведяева, очень нужного производимому здесь дознанию. Между тем оказывается, что о нем можно получить сведения от сестры его, живущей с инженером Тверитиновым где-то на Петербургской стороне. Г. Тверитинов занимается изысканиями по железным дорогам” [1, с. 145]. О взаимоотношениях обоих молодых людей в том же донесении сообщено, что Коведяев “занимался с Тверитиновым” [Там же].

Д.Е. Коведяев состоял в организации С.Г. Нечаева “Народная расправа”, также он входил в революционный кружок И.Г. Прыжова. Арест Коведяева был произведен 12 января 1870 г. Вместе с тем, как справедливо указывала сама Е.Н. Коншина, судим по нечаевскому делу Тверитинов не был, хотя и присутствовал на процессе в качестве наблюдателя, что следует из его воспоминаний [2, с. 458]; [3, с. 65]. “...Мог ли знать ее [фамилию Тверитинова как лица, прикосновенного к нечаевскому делу] Достоевский?”, – задавалась вопросом учена.

Такие сомнения уместны. Алексей Николаевич Тверитинов – безусловно, не последняя фигура в истории русского революционного движения и нелегальной печати. Выпускник 1-го Кадетского корпуса и Института корпуса инженеров путей сообщения, Тверитинов с ранней юности был увлечен социалистическими идеями. В 1864 г. он был в числе лиц, пришедших на Мытинскую площадь выразить поддержку Н.Г. Чернышевскому. Судя по сведениям, собранным Р.М. Кантором, Тверитинов никогда не играл центральной роли в деятельности подпольных организаций, хотя неоднократно подвергался арестам, ссылкам, дознаниям, тайной слежке. В 1870-х он

по несколько лет живет за границей, где общается с европейскими левыми, а также с такими видными фигурами, как М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, С.М. Кравчинский, П.Н. Ткачев и др. В России Тверитинов писал в газету “Земля и воля”, проводил благотворительные вечера в пользу революционных организаций, помогал подпольщикам с жильем. Подозревался он и в соучастии в убийстве полицейского агента Н.В. Рейнштейна. Впрочем, главной заслугой Тверитинова считается его деятельность как переводчика и популяризатора русской литературы за границей. В 1874 г., находясь в Брюсселе, Тверитинов перевел на французский язык часть примечаний Чернышевского к “Основаниям политической экономии” С. Милля. Свой перевод Тверитинов снабдил предисловием, в котором подробно разобрал судебный процесс Чернышевского, познакомил европейского читателя со взглядами и судьбой автора. Впоследствии Тверитинов перевел на французский “Письма без адреса”. В 1900-е годы Тверитинов перевел на русский для издательства Павленкова работы Герцена “О развитии революционных идей в России” и “Русский заговор 1825 года”¹.

Однако всё это еще только впереди. Осенью 1870 г. Алексей Тверитинов — юный инженер, чье имя едва ли может что-то говорить Достоевскому. Обратим внимание на то место, которое занимает фамилия “Тверитинов” в структуре “важной заметки”. Достоевский планирует писать об агитации в рабочей среде, которую ведут сначала Инженер (будущий Кириллов) и Нечаев (будущий Петр Верховенский). Роль Шатова здесь еще неясна: возможно, он отговаривает рабочих от следования радикальной программе Нечаева, возможно, еще находясь внутри социалистического кружка, Шатов пытается создать более умеренное крыло, близкое к правому народничеству. Если наше предположение действительно соответствует замыслу Достоевского, очевидно, “важная заметка” представляет собой одну из вариаций магистрального сюжета будущего романа: здесь Шатов — не просто будущая “священная жертва” фанатичных революционеров, не разочаровавшийся и отпавший от социалистов русский человек, а сознательный политический оппонент, желающий привлечь рабочую массу на свою сторону. В этом случае у Шатова преимущество: рабочие его *слушают и желают просветиться*. Запомним и то, что Нечаев *лопается с раскольников*, иначе

говоря, терпит неудачу в попытке заручиться его поддержкой.

Отсюда следует, что таинственная “возможность Тверитинова” имеет отношение либо к программе Нечаева, либо к программе Шатова. Велика ли вероятность, что, разрабатывая осевой конфликт будущего романа, обрисовывая идеологические устремления важнейших его персонажей, не считая Князя (Ставрогина) и Грановского (Степана Трофимовича), Достоевский мог опираться на совершенно *проходную* фигуру, эпизодического героя нечаевской драмы, даже если допустить, что, находясь за границей, писатель где-либо видел имя обысканного инженера или слышал о нем? Мы полагаем, ответ на такой вопрос должен быть очевиден.

Несмотря на это, осторожный вопрос, сформулированный Е.Н. Коншиной в 1935 г., в комментарии к *Акад. ПСС* неожиданно превращается в утверждение: “По-видимому, речь идет об Алексее Николаевиче Тверитинове (р. 1846 г.), участнике русского революционного движения конца 1860–1870-х годов, близкого к нечаевцам” [*ПСС*, XII, с. 356]. Еще раз спросим себя, чем так замечательна фигура Алексея Тверитинова в 1870 г., что Достоевский узнает о существовании этого человека, сопоставляет его либо с Шатовым, либо с будущим Петром Верховенским? Неужели Тверитинова можно сравнить с Нечаевым, Успенским, Николаевым, Прыжовым? Без сомнения, нет. В противном случае нужно показать, что А.Н. Тверитинов либо мог претендовать на лидерские позиции в революционных кружках конца 60-х — начала 70-х годов (мы достоверно знаем, что это не так), либо развивал идеи, близкие правому народничеству и распространял их в рабочей среде (ничего подобного о нем неизвестно).

Так кто же такой Тверитинов и что такое *возможность Тверитинова*?

Однозначного ответа на этот вопрос у нас нет, но есть две гипотезы, которые могут задать направление дальнейших поисков. Мы бы хотели, чтобы эта статья стала приглашением к дискуссии по поводу анализируемой заметки.

Нашим двум гипотезам мы дадим условные обозначения *самаринской* и *сектантской*. Смысл этих названий будет ясен из дальнейшего описания.

1. В 1861 г. в № 7 славянофильской газеты “День” была помещена статья “Уставная грамота”. Ее автором был выпускник Московского университета, опытный участник земского движения Дмитрий Федорович Самарин (1827 или 1831–1901), младший брат знаменитого славянофила,

¹ О жизни и трудах А.Н. Тверитинова, помимо его мемуаров, см.: [4]; [5].

впоследствии издавший собрание сочинений Ю.Ф. Самарина. В славянофильском кружке Дмитрий Самарин считался экспертом по вопросу крестьянского землевладения (см. [6, с. 102]). Помимо аксаковских газет "День", "Москва" и "Русь", Дмитрий Самарин в течение жизни публиковал свои статьи в таких славянофильских органах, как "Современные известия" Н.П. Гилярова-Платонова и "Сельское благоустройство" А.И. Кошелёва. 9 января 1865 г. Самарин публично схлестнулся с лидерами так называемых дворянских олигархов Н.А. Безобразовым и В.П. Орловым-Давыдовым в московском дворянском собрании. Со свойственных славянофилам антиаристократических позиций Самарин-младший осудил проект адреса на имя императора с просьбой даровать российскому дворянству право политического представительства, закрепленное в конституции. Публичный диспут Самарин проиграл, большинство в собрании голосовало за адрес, что окончилось для аристократической фронды публичным выговором от Александра II и министра внутренних дел (см. [7, с. 189]; [6, с. 283–285]).

Такова была, в основных чертах, общественная позиция Д.Ф. Самарина в период Крестьянской реформы. К моменту обнародования Манифеста у Самарина был опыт представления правительства в Рязанском губернском дворянском комитете, после официальной отмены крепостного права он работал мировым посредником, на практике разрешая земельные разногласия, неизбежно возникавшие в процессе выхода крестьян из крепостной зависимости. И.А. Христов замечает важную черту мировоззрения Самарина, а именно его симпатии к идее сильного государства. Как пишет историк, в конце 1870-х годов Д.Ф. Самарин сыграет видную роль в становлении "многочисленных постславянофильских консервативных концепций государственного регулирования экономики" [8, с. 188]. Этот подход уже в 1860-е резко противопоставит друг другу взгляды Д.Ф. и Ю.Ф. Самариных. Старший брат публициста, как и князь В.А. Черкасский, с предубеждением относился к чрезмерному вмешательству государства и государственной бюрократии в тонкие хозяйственные споры помещиков и крестьян.

Спустя годы после указанных публикаций, в 1898 г. Д.Ф. Самарин достаточно подробно и точно объяснял проблему, побудившую его взяться за перо: "Приняв в начале 1861 г. должность мирового посредника с полной верою в Положение 19 февраля, я был совершенно неожиданно

поражен тем впечатлением, которое оно произвело на крестьян" [9, с. 15]. Самым интересным в поведении крестьян Самарину показалось их стремление во что бы то ни стало получить землю в собственность, даже если условия приобретения были объективно невыгодными. "Крестьяне не допускали возможности освобождения без земли, — писал Самарин, — они были твердо убеждены в том, что земля им будет дана Царем так же, как наделялись землею города, колонисты и государственные крестьяне; на повинность в пользу помещика они смотрели как на последствие крепостного права; они готовы были мириться с нею как с мерою временною, оправдываемую необходимостью; но они отвергали ее как повинность бессрочную, пожалуй вечную, от которой можно освободиться только посредством выкупа" [9, с. 16].

Чтобы удовлетворить потребности крестьян, Самарин предложил прибегнуть к посредничеству государства, превратив повинности крестьян перед помещиками в казенные подати, к которым крестьяне привыкли и которые согласятся платить и дальше. Из этих налогов государство будет выплачивать помещикам ежегодную ренту, компенсируя потери от фактического перехода земли крестьянам. «...Нужно, чтобы правительство, став между помещиками и крестьянами, рассекло разом все отношения между ними», — гласит статья [9, с. 12].

Для изложения своей теории Д.Ф. Самарин избрал драматургическую форму: большая часть статьи написана им в форме диалога между воображаемыми лицами — князем Бецким и неким *Тверитиновым*, alter ego автора. Наиболее важным, с точки зрения славянофильской идеологии, оказывается не столько конкретное предложение по проведению в жизнь реформы, сколько сам *метод* решения тех или иных экономических и социальных проблем. В диалоге Самарина князь Бецкий стоит на стороне буквы закона. Упрямство крестьян, отказывающихся подписывать уставные грамоты на взаимовыгодных условиях, кажется ему абсурдным и нечестивым. Тверитинов терпеливо объясняет князю, что тот подходит к народу с формальной меркой. Для Бецкого существуют только юридические нормы, а в соответствии с ними свободу получают именно крестьяне, тогда как *земля* остается в собственности дворян до тех пор, пока не будет выкуплена крестьянами. Тверитинов возражает Бецкому: крестьянам этот порядок непонятен. Их вековой принцип: "мы ваши, а земля наша". Иными словами, индивидуальная свобода

без собственности на землю не имеет ценности в глазах того, кто живет этой землей и целиком от нее зависит. Крестьяне считают, что *выслужили* свои наделы у царя тяжелым трудом. На это князь возражает, что народ недостаточно образован и народные предрассудки не могут влиять на распоряжения правительства, иначе общество легко дойдет до анархии и прудоновского отношения к собственности как к краже. Тверитинов парирует: “Положим, закон и будет исполняться народом, но, чтобы он был живуч и полезен, он не должен идти наперекор народному убеждению” [9, с. 8].

Тогда Бецкий пускает в ход против доводов Тверитинова либеральный подход к частной собственности, обосновывающий безусловную благодетельность срочного выкупа в противоположность идее бессрочных податей. Однако на это Тверитинов выдвигает типично славянофильское возражение: “Выкупом можно было решить вопрос крестьянский в Германии, где понятие о праве частной собственности на землю укоренилось в народе, но едва ли он применим у нас, где склад народного ума тянет не к частной поземельной собственности, а к общинному пользованию землею” [9, с. 11]. Наконец, Самарин связывает славянофильскую идеализацию сельской общины с государственным началом: “Земля по их [крестьян] понятиям — собственность всего русского народа <...>. Определить размер этого участия они предоставляют тому, кто управляет русскою землею” [9, с. 8]. Понятая таким образом, крестьянская община становится *слепком нации*, а устройство общины отображает фундаментальные этические представления русского народа. Русская крестьянская идентичность предполагает осознание себя внутри единого народного тела, русский мужик — не фермер.

Издатель газеты “День” И.С. Аксаков, как следует из его переписки, придавал статье Дмитрия Самарина большое значение, считая принципиально важным донести до читателя основной принцип, из которого исходит автор. В письме к графине А.Д. Блудовой от 25 ноября 1861 г. Аксаков пишет о своей передовице в № 7 как о *вступлении* к статье Самарина. Фактически редактор “Дня” открыто противопоставляет либерализму чичеринского типа *моральную экономику русско-го крестьянства*, глашатаями которой призваны стать славянофилы. Естественным союзником славянофилов становится царь, также стоящий за “уступку бытовым воззрениям народа”. “У вас закричат, что всё это непрактично. Нужды нет: самая идея такого свойства, что она залезет, как

заноза в голову, и помешает, я надеюсь, совершиться предполагаемому выкупу казенными крестьянами земель, им принадлежащих” [10, с. 213]. Статья Аксакова называлась “О трудности согласить юридическое и бытовое право в вопросе об освобождении крестьян”. В ней статья Самарина рекомендуется читателям прежде всего как удачный пример осуществления начала *юридического* с учетом начала *народного*.

Несмотря на все усилия Аксакова, экономическая проповедь Тверитинова была встречена настороженно, а в ряде случаев насмешливо. Многим казалось, что апелляции к “народной правде” плохо сочетаются с фискальным трюком, который этой “народной правдой” обосновывается. В ответ на диалог Бецкого и Тверитинова свой диалог, под названием “Разговор мирового посредника о крестьянском деле” (1862), пишет великий хирург Н.И. Пирогов, живший в то время в своей винницкой усадьбе и интересовавшийся ходом крестьянской реформы. В сценке Пирогова ожесточенный спор о выкупе и других хозяйственных вопросах ведут *Мировой посредник*, *Любопытный* и *Недовольный*. Идею равнозначности законодательной нормы и народного обычая Пирогов представляет как проявление морального и правового релятивизма. Мировой посредник указывает на главную слабость позиции Самарина: предложенная им новация вовсе не следует народному образу справедливости, а *подделывается* под него. Если народное *воззрение* в самом деле правдиво, тогда пусть крестьяне платят налог государству, но государству, в свою очередь, уже незачем выплачивать ренту помещикам — все расчеты с ними окончены. Кроме того, в статье государству предлагается *обманывать* крестьян, убеждая их, что они собственники и платят налог; а заодно обманывать и помещиков, внушая им, что землей владеют они, хотя реально ей пользуются освобожденные земледельцы (см. [11, стлб. 804]).

С иной точки зрения к статье брата подходил Ю.Ф. Самарин, также опубликовавшийся в газете у Аксакова под псевдонимом *Дмитрий Рычков*. Основная претензия Юрия Самарина к Дмитрию состоит в том, что, предостерегая князя от абсолютизации буквы закона, Тверитинов впадает в другую крайность, видя в исторических преданиях крестьян точно такой же строгий свод законов. Да, сущность и польза выкупной операции может быть не сразу понята крестьянами. Однако предания прошлого неизбежно уступают насущным потребностям и здравому смыслу. Свою рецензию Самарин-старший завершает сценкой

с "новыми приключениями" Тверитинова, представляя, чем бы обернулось на практике исполнение его предложений. Вначале сельский сход искренне радуется этой новости: теперь они свободные граждане! Дальше, однако, выясняется, что сумма оброка, которую они раньше выплачивали барину, прибавляется к подушному и земскому сбору, так что суммарный налог с пяти десятин мгновенно вырастает с полутора рублей до восьми с половиной рублей серебром, из которых в казне будет оставаться 50 копеек, а 8 рублей будет уходить на содержание пекущегося о народной правде Тверитинова. Следует заметить, что в сценке мужики достаточно быстро разгадывают этот маневр, после чего разъяснения главного героя, что это зато не оброк, а подать, перестают производить на них всякое впечатление: "Мы, батюшка — не прогневайтесь — люди темные, грамоты не знаем; по-нашему что оброк, что подать, всё восемь рублей с полтинником" [12, с. 405–406].

Реагируя на критику, Дмитрий Самарин продолжает объяснять свою позицию в тексте под заголовком "Оброчная подать". В ней возобновляются диалоги князя и Тверитинова. Но начавшаяся дискуссия затухает под действием внешнего вмешательства: спор о налогообложении и выкупе, затеянный славянофилами, вызывает недовольство государственного секретаря В.П. Буткова. В начале 60-х Буткову были отданы полномочия цензора любой литературы по крестьянскому вопросу. Свою задачу этот высокопоставленный чиновник видел в том, чтобы свести любые споры о подготовке и осуществлении реформы к минимуму. Бутков обратил особое внимание на статьи Д.Ф. Самарина. Вначале "День" был вынужден их печатать в значительно сокращенном виде, а затем Бутков распорядился, чтобы абсолютно *все* материалы по теме "Уставной грамоты" Московский цензурный комитет пересылал ему лично. Такой порядок сильно замедлил ход полемики, подрывая к ней читательский интерес, но и этого Буткову показалось мало, и очередной ответ Дмитрия Самарина на критику тот просто не допустил к публикации. И.С. Аксаков справедливо счел дальнейшую дискуссию на страницах "Дня" невозможной, поскольку одной из сторон не дают высказываться. Обсуждение программы Тверитинова было завершено волевым решением редакции (см. [13, с. 302–305], [9 <Приписка>, с. 18]). Самарин-младший не сразу откажется от полюбившейся ему дидактической формы: в № 51 газеты "День" за 22 декабря 1862 г. будет опубликован новый диспут Бецкого и Тверитинова, где последний снова будет рекламировать общинное землевладение [14]. Тем

не менее, в памяти современников останется лишь беседа об уставных грамотах и налоге для крестьян².

Говоря о восприятии "программы Тверитинова" читающей публикой, нельзя пройти мимо отзывов из революционно-демократического лагеря. В № 8 сатирического приложения к "Современнику" "Свисток" Чернышевский помещает памфлет, подписанный псевдонимом *Эфиоп*. Сравнительно небольшой текст полон пародийных аллюзий, достаточно указать его полный заголовок: "Опыты открытий и изобретений. Г. Магистр Н. де Безобразов — псевдоним! Библиографическое открытие!! (Посвящается немецкому философу Фихте и русскому библиографу М.Н. Лонгинову)". Вложенное в уста Тверитинова предложение Самарина сделать из оброка подать Чернышевский воспринимает едва ли не как проект узаконенного мошенничества: "В самом деле, как сделать, чтобы люди, не желающие платить, стали платить с удовольствием?" [33, с. 74] "...Подлинный г. магистр Н. Безобразов найден! Да это он, г. Д. Самарин. Абсолютное тождество этих двух имен очевидно", — приходит к выводу Чернышевский [Там же, с. 74–75]. Здесь нужно дать краткое пояснение, чтобы стало понятно, на что Чернышевский намекает.

Петербургский уездный предводитель дворянства, камергер Н.А. Безобразов был одним из первых представителей "партии крупных землевладельцев", публично отозвавшихся об инициативе по освобождению крепостных. В 1858 г. в Берлине была напечатана его брошюра на эту тему — "Об усовершенствовании <sic> узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства". В ней Безобразов, рекомендуя себя *магистром законоведения*, доказывает, что уничтожение крепостного права, а вместе с ним и сословных привилегий дворянства — мера преждевременная и избыточная. Несмотря на отдельные вопиющие случаи помещичьего произвола, между классами крестьян и помещиков нет неразрешимого, вытекающего из самой системы межсословных отношений конфликта. В этой уверенности Безобразов выказывает себя единомышленником другого идеолога "аристократической партии" Г.Б. Бланка, писавшего в частности: "В России рабства в том смысле, в каком оно существовало в прочей Европе,

² Небезынтересно, что спустя полвека после публикации статья Самарина удостоится лестного отзыва со стороны авторитетного историка великих реформ, секретаря ЦК партии кадетов А.А. Корнилова. Корнилов назовет статью "остроумной" и согласится с выводами автора, касавшимися устроений крестьян вскоре после издания Манифеста (см. [15, с. 243–244]).

нет и не бывало: там человек принадлежал человеку, тут принадлежат одному, и то с законным ограничением, только рабочие силы другого; там были рабы, а теперь бездомные наемники, здесь подчиненные, имеющие оседлость, обеспеченные в своем существовании, связанные в своих пользах с пользами своих помещиков...” [16, с. 119–120]. Безобразов не настолько идеализирует нравы русских поместий, признавая, что в настоящее время многие дворяне смотрят на крепостных крестьян как на собственное имущество, наравне с землей, скотом, хозяйственными постройками. Чтобы исправить это положение, утверждает *магистр законовения*, достаточно просто внести необходимые уточнения в Свод законов, причем уточнения эти почти косметические. Необходимо устранить смешение собственно крепостного права с правом вотчинного управления: помещик владеет землей, и он же регулирует жизнь крестьян на своей земле. Однако вывод, что крестьяне на этом основании сами прикреплены к земле, то есть являются *имуществом*, попросту не соответствует законодательству. Это юридическая химера. Поэтому для исправления положения крестьян будет достаточно перенести некоторые статьи из одного тома Свода законов в другой, не включать крестьянские души в купчие, а указывать их в особом приложении к купчим, наконец, изобрести новые формулировки вместо слов “крепостное право” и “крепостные”. Последних Безобразов, к примеру, предлагал назвать “людьми, в помещичьем ведомстве состоящими”.

Брошюра Безобразова была встречена шквалом насмешек со стороны всех, кроме узкого круга богатых помещиков, некоторые из которых впоследствии вошли в редакционный кружок газеты “Весть”. «Изменить название и оставить факт! — выражал свое изумление с полос “Колокола” Н.П. Огарев. — Это крайний предел иезуитизма. <...> Как ни называй Федула Клеопатрой, он все-таки останется Федулом» [17, с. 120].

Таким образом, Чернышевский проводит очевидную параллель между словесной эквилибристикой Н. Безобразова и ухищрениями, предлагаемыми в статье Самарина Тверитиновым.

Компрометирующее для славянофила сравнение с готовностью разделял и поэт В.С. Курочкин в стихотворении “Благоразумная точка зрения (руководство для незрелых старцев и юношей)” (*Искра*. 1862. № 6):

Уважая свободные мнения,
Быт, обычай, преданья и род,
Я читаю газет рассуждения
Как философ, юрист, патриот.

Но, конечно, с достоинством барина
Я смотрю беспристрастно на них, —
С точки зрения Бланка, Самарина,
Безобразова Н. и других [18, с. 127]³.

Материал газеты “День” не прошел мимо и Достоевского. Публикация Самарина бегло, сдержанно и скорее без сочувствия упоминается в журнале “Время” (см. [19, с. 41–42]).

Велика ли вероятность, что запись “Возможность Тверитинова” отсылает нас именно к *самаринскому* Тверитинову, а если это так, то что это может обозначать в контексте замысла “Бесов”?

От споров вокруг самаринской статьи Достоевского на момент возникновения “важной заметки” отделяет около десятилетия. Вместе с тем, в ходе работы над романом Достоевский нередко обращается к, казалось бы, устаревшим реалиям и приметам. Н.А. Безобразова не стало в 1867 г., однако на определенном этапе творческой работы Достоевского именно эта фигура становится воплощением той самой “боярской партии” или «партии “Вести”», к которой в романе тяготеют Юлия Михайловна фон Лембке, Артемий Павлович Гаганов и ряд других персонажей. Уже давний к началу 1870-х годов скандал с «безобразным поступком “Века”» также кочует по произведениям и замыслам писателя. В целом нет ничего необычного и в том, что Достоевский в определенный момент припоминает и статьи Д.Ф. Самарина, а также, вероятно, и пародийные отклики на них Ю.Ф. Самарина, Н.Г. Чернышевского и др. Как писателя и публициста Достоевского отличала достаточно цепкая память на имена, крылатые фразы, символические происшествия, литературные скандалы — это был весьма наблюдательный свидетель литературного процесса.

Предположим, *Тверитинов* в тетради III — это тот самый Тверитинов, что описывал преимущества общинного землевладения князю Бецкому. На что же может указывать его упоминание в подготовительных материалах к “Бесам”? Шатов как альтернативный Нечаеву (Верховенскому) лидер может убеждать рабочих попытаться привлечь на свою сторону государство, которое, как и в случае с оброком и выкупом, могло бы прийти на помощь людям, выступив посредником между хозяевами и работниками. Конфликты между

³ В примечании к процитированному фрагменту И.Г. Ямпольский уточнял, что Курочкин имел в виду не Григория Борисовича Бланка, а его родного брата Петра Борисовича, также примыкавшего к «партии “Вести”». Статья П.Б. Бланка “Крестьянские выборы” была опубликована в выпуске “Дня” от 4 ноября 1861 г., т.е. незадолго до выхода в свет статьи Д.Ф. Самарина (25 ноября).

фабричными крестьянами и нерадивыми заводчиками случались регулярно (см. [20, с. 50–51]). Стоит вспомнить и аннотацию Аксакова, писавшего о необходимости учета *народного* права наряду с формальным *юридическим*.

Как мы помним, замысел Достоевского предполагает "характеры и типы народные в роде как из мертвого дома". В письме к брату Михаилу, отправленном в 1854 г. из Омска, Достоевский писал: "...В каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото. И не один, не два, а несколько. <...> Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его" [ЛСС₁, XXVIII₁, с. 172, 173]. В "Записках из мертвого дома" (1862) перед нами не просто разворачивается галерея народных типажей — чрезвычайные обстоятельства каторжной тюрьмы нагляднее знакомят нас с устройством России, нежели более "привычные" социальные среды. "...Этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего" [ЛСС₂, IV, с. 257]. И все же именно по необыкновенным чертам, по нетипичной концентрации сил, способностей, страстей Достоевский вместе со своим рассказчиком познает народное целое.

Именно это испытание, очевидно, ожидало героев Достоевского и при общении с фабричными работниками: встретив раскольника, Нечаев (Верховенский) должен был *спасовать* перед духовным разнообразием и психологической сложностью того народа, который участники революционного кружка так легко надеялись сагитировать. Еще в «Объявлении о подписке на журнал "Время" на 1861 год» (1860) писатель интерпретировал распространение религиозного инакомыслия следующим образом: "...Разойдясь с [петровской] реформой, народ не пал духом. Он неоднократно заявлял свою самостоятельность, заявлял ее с чрезвычайными, судорожными усилиями, потому что был один и ему было трудно. Он шел в темноте, но энергически держался своей особой дороги. Он вдумывался в себя и в свое положение, пробовал создать себе воззрение, свою философию, распался на таинственные уродливые секты, искал для своей жизни новых исходов, новых форм. <...> А между тем его называли хранителем старых допетровских форм, тупого старообрядства" [ЛСС₃, XVIII, с. 36].

Такое понимание Достоевским раскола создает возможность для второй, *сектантской* гипотезы.

2. Дело московского лекаря Дмитрия Евдокимовича Тверитинова (Дерюшкина), обвиненного духовными и светскими властями в распространении протестантизма среди православных, было известно специалистам по истории церкви и петровской эпохи. В некоторых источниках учение Тверитинова отождествляется с кальвинизмом⁴. О деле Тверитинова в контексте судебных протестантских учений в России вспоминал и В.И. Кельсиев [23, с. x–xi]. Долгое время основным источником сведений о Тверитинове и его последователях являлось одно из главнейших антипротестантских сочинений, оставленных православным богословием, — "Камень веры" (1718) митрополита Стефана Яворского. Разбирательство по делу о московских "хулителях веры" стало непосредственным поводом к составлению этого труда. Во вступлении к книге митрополит Стефан задает основной круг мотивов, которые впоследствии будут развиваться во всех дальнейших сочинениях, посвященных Тверитинову: "Смолоду он пристал к некоему врачу-иноверцу, от которого научился врачебным хитростям, но при этом повредился душой от недуга еретичества. Он стал телесным врачом, но жесточайшим душевным губителем. <...> он стал ересеучителем и, возглавив сборище губителей, стал засеивать плевелы различных ересей посреди пшеницы святого благочестия. То, что он впитал с молоком с молодости, в совершенстве лет и своей злобы стал выплевывать. Он учил не по чину, вопреки всем Вселенским и Поместным Соборам, что следует отвергнуть святые иконы, что в Святейшей Евхаристии есть только обычный хлеб, что бесполезно призывать святых, что напрасно поклоняться животворящему Кресту Господню, что не следует почитать святые мощи и молиться за умерших, а также другим нечестивым догматам, издревле проклятым Вселенскими Соборами" [24, с. 18]. Стефан Яворский упоминает и учеников московского лекаря. Из них для нас наиболее интересен *цирюльник Фома Иванов* — наиболее фанатичный поклонник тверитиновских рассуждений. Иванов, сообщает Стефан, "достиг такой степени беснования, что по демонскому наущению, из-за своего еретичества, будучи пьяным, дерзнул надругаться даже над образом Божия угодника святого Митрополита Российского Алексия в Чудовом монастыре. <...> по монаршескому указу <...> звероподобный еретик Фома за свое безумное дерзновение понес соответствующее суровое наказание — смертную казнь. За это он достоин похвалы, поскольку, хотя

⁴ См., напр.: [21, с. 248]. Интерпретация Аскоченского почти дословно воспроизводится духовным писателем Е.Н. Поселяниным: [22, с. 12].

и сотворил вначале зло, но после этого совершил добро, загладив свое злодеяние искренним покаянием, исповеданием своих грехов и публичным покаянием в своей дерзости. Остальные еретики, не покорившиеся Святой Церкви, то есть Дмитрий Тверитинов с единомышленниками, на общем Совете Священного Собора были преданы анафеме” [24, с. 18—19].

Дело Тверитинова, судя по сохранившимся документам, в самом деле было значимым для своего времени, сыграв немалую роль лично в биографии Стефана Яворского и в его политической борьбе с другими видными церковными иерархами, в первую очередь с подозревавшимся в симпатиях к немецким протестантам Феофаном Прокоповичем.

Что касается научного и общественного интереса к Тверитинову и его адептам, то, надо полагать, решающую роль в возрастании этого интереса сыграли исследования молодого церковного историка, будущего профессора Киевской духовной академии Ф. А. Терновского (1838—1884). В 1862 г. Терновский защитил магистерскую диссертацию по теме “Местоблюститель патриаршего престола митрополит рязанский Стефан Яворский и Дмитрий Тверитинов”. В 1864 г. диссертация была дополнена автором и переиздана под названием “Митрополит Стефан Яворский: биографический очерк” в “Трудах Киевской духовной академии”. Годом ранее в Москве и Казани издавались статьи по теме диссертации из журнала “Православное обозрение” и материалы следствия по делу (см. [25]; [26]).

В конце 1860-х — начале 1870-х годов, незадолго до начала работы Достоевского над “Бесами” и непосредственно во время этой работы, в свет выходит сразу несколько трудов по истории православной церкви и русского религиозного раскола, в которых более или менее подробно излагаются биография и основные взгляды Дмитрия Тверитинова. Для Достоевского, с его неоднозначным отношением к фигуре и историческим заслугам Петра, особенно интересным и важным могло показаться как раз то, что Тверитинов действует в петровское время и во многом заимствует свои воззрения из Немецкой слободы. Рецепция немецкого протестантизма московским лекарем могла быть рассмотрена в качестве наглядного примера взаимодействия русского национального сознания с европейской цивилизацией. Общим местом в литературе по расколу становится утверждение линии духовной преемственности: вначале протестантские вероучения просачиваются на русскую почву в царствование Ивана IV

(так появляются так называемые *рационалистические* секты Матвея Башкина и Феодосия Косого), затем влияние протестантов достигает пика в эпоху Петра и в конце концов теряет европейские черты, порождая секты духоборов и молокан. Следует заметить, что для 1860—1870-х г. довольно типичным является сочувственное отношение к ересям и сектам как к проявлению духовных поисков и свободомыслия русского народа. Тверитинов — промежуточное звено между привнесенным Петром лютеранством и современными протестантскими сектами.

Наиболее отчетливо эта идея выражена и развита в трудах популярного публициста и историка Ф.В. Ливанова, чье имя было, несомненно, знакомо Достоевскому и даже упоминалось им в записных тетрадях к роману (см. [ЛСС, XI, с. 150; XII, с. 219, 350]). В первой части своего известного труда “Раскольники и острожники” (1869) Ливанов соглашается с теми, кто пишет о персональных симпатиях Петра к лютеранам и о том, что бурные и резкие преобразования императора поколебали религиозные убеждения народа, дав повод к брожению умов и возникновению ересей. Вместе с тем, историк настаивает: учение Тверитинова не было простой *калькой* ни с лютеранства, ни с какого-либо еще протестантского верования: более того, целый ряд утверждений Тверитинова и его учеников, насколько можно судить по материалам следствия, прямо противоречат лютеранским догматам. Ливанов настаивает на глубоко самобытном характере “русского протестантизма”, его укорененности в духовных и интеллектуальных потребностях самого народа, так что мы можем говорить о полноценном “реформационном движении русском” [27, с. 192]. В своем анализе Ливанов пытается уйти от чрезмерного соотнесения тех или иных тенденций религиозной жизни с конкретными историческими лицами: Лютер дал имя лютеранству, но лютеранство жило прежде Лютера; русская реформация не имела лидеров, и Тверитинов также не мог бы претендовать на этот статус. Популярность рационалистических толков в народе обусловлена не столько деятельностью “ересеучителей”, сколько объективными историческими условиями, такими как деградация и падение авторитета официальной церкви: “...Духовенство подверглось полной деморализации, унизилось пред аристократизмом XVIII века, на который тогда изливались милости и привилегии, отнимаемые у духовенства, и в чувстве этого самоунижения и раболепства пред обществом, при отсутствии сил и средств подняться на высоту общественного положения, окончательно упало нравственно,

закоснело в бессознательности своего назначения и свыклось с худым мнением о нем общества, отчего, без зазрения совести, не дорожило уже собою... Народ и общество московское отшатнулись, вследствие сего, от духовенства окончательно, и рационализм, в последнем представителе своем, Тверитинове и его учениках, полил потоком по России...», — заключал Ливанов [27, с. 395].

В комментарии к записным тетрадям Достоевского Н.Ф. Буданова обращает внимание на знакомство писателя с разгромными рецензиями В.И. Кельсиева на ливановские сочинения в журнале В.В. Кашпирёва и Н.Н. Страхова "Заря". Так, в апрельском номере журнала за 1870 г. Кельсиев открыто обвиняет Ливанова в "проповеди молоканства": с точки зрения рецензента, автор явно утратил необходимую дистанцию с предметом изучения и превратился из рассказчика в своего рода миссионера. При этом Кельсиев прямо пишет о некомпетентности Ливанова в целом ряде вопросов, о которых тот берется писать, а также о недопустимом тоне предисловия к переизданию "Раскольников и острожников" 1870 г. Отдельные обороты из предисловия Ливанова, действительно, производят странное впечатление: «Первое издание нашей книги "Раскольниковы и Острожники" вызвало со всех концов России благодарность за беспристрастный взгляд на дело раскола и фактическое разоблачение так называемых тайн сектантских... Нам довелось получать благодарственные письма от всех слоев русского общества. Все желают одного: света и света для темных дел раскольничьих... ближе к развязке!» [27, с. I]. Всех своих критиков Ливанов подозревает в тайной работе на богатых раскольников, нередко опускаясь до прямых оскорблений и распространения ложных слухов. О самом Кельсиеве Ливанов пишет как о недоучке, считающем себя турецким султаном (намек на поездки Кельсиева в Турцию) и сидящем в "желтом доме" [28, с. iii–iv].

Очевидно, именно насмешки Кельсиева над обидчивостью и самомнением Ливанова повлияли, как отмечал В.А. Туниманов, на соответствующую запись в тетради Достоевского: «Нечаев страшно самолюбив, но как младенец (Ливанов). "Мое имя не умрет века, мои прокламации — история, моя брошюра проживет столько же, сколько проживет мир"» [ЛСС, XI, с. 150; XII, с. 219]. Кельсиев приводил буквальную цитату из предисловия ко второму тому "Раскольниковы и острожников": "...Изданные нами книги, по своим источникам и разработке оных, послужат краеугольным камнем всех последующих исследований сих любопытных сект, и книги наши

проживут [...] столетия; потому не нам обращать серьезное внимание на жалкие завывания малограмотных фельетонистов и бездарных рецензентов — неучей, неспособных отличить даже поповца от беспоповца..." [28, с. i].

Внимательное отношение Достоевского к Кельсиеву должно было объясняться его заслугами в деле изучения народных верований. Василий Иванович Кельсиев (1835–1872) окончил коммерческое училище за счет Российско-американской компании и по условиям соглашения должен был отработать свое обучение на Аляске. Отправившись морским путем в Ситку (Ново-Архангельск) на Аляске, Кельсиев сбежал с рейса в Плимуте, а затем перебрался в Лондон, где стал сотрудником Герцена и Огарева. Именно Кельсиеву принадлежала идея привлечь на сторону революционного движения в России раскольников — старообрядцев и сектантов. Энергичный, добросовестный и любознательный, Кельсиев собрал и проанализировал огромный массив полевой и архивной информации, принимал участие в издании огаревской газеты "Общее вече", нелегально посещал Москву и Петербург, вел агитацию в среде австрийских старообрядцев и осевших в Турции казаков-некрасовцев, мечтал основать русскую колонию на Дунае. За время эмиграции от нищеты и болезней скончались родной брат Кельсиева, а также его жена и двое маленьких детей. Сломленный семейными трагедиями и неудачами всех его политических проектов, он разочаровался в прежних взглядах, официально вернулся в Россию и публично отрекся от прежних убеждений, за что был помилован властями. Остаток лет Кельсиев проработал в журналах "Заря", "Русский вестник", "Всемирный труд" и др. Есть основания предполагать, что фигура Кельсиева, его необычная судьба и редкие познания в области народной жизни могли послужить Достоевскому при разработке образа Шатова в "Бесах" (см. об этом [ЛСС, XII, с. 232–233]).

В своей рецензии Кельсиев пытался продемонстрировать истоки суждений Ливанова и ему подобных, считавших старообрядчество и мистические секты плодом народного невежества и фанатизма, а вероучения, тяготевшие к европейскому протестантизму, напротив, проявлением здравого смысла и тяги к просвещению. С точки зрения Кельсиева, такой подход является порождением либеральных симпатий русского образованного общества, которое в рецензии "Зари" названо "по-ливановски молоканствующим" [23, с. 129]. Фактически же и русское молоканство, и западный протестантизм, и мода на них

у определенной части либеральной публики – явления бесплодные, порождения интеллектуальной и духовной лени, трусости. Протестантские учения с их отрицанием чудес, обрядности и предметов поклонения пытаются предложить человеку удобный (в терминах записных тетрадей Достоевского можно было бы сказать “пищеварительный”) компромисс между верой и неверием. Честный протестант или молоканин рано или поздно признается сам себе, что его убеждения требуют либо воссоединения с “истинной” религией (православием или католичеством), либо тотального отказа от идеи Бога, принятия атеизма [23, с. 124–125].

В публицистике Достоевского нетрудно отыскать рассуждения, близкие подходу Кельсиева. Так, в статье “Три идеи” из январского “Дневника писателя” за 1877 г. читаем: “...Лютеров протестантизм есть уже факт: вера эта есть протестующая и лишь *отрицательная*, и чуть исчезнет с земли католичество, исчезнет вслед за ним и протестантство, наверно, потому что не против чего будет протестовать, обратится в прямой атеизм и тем кончится” [ЛСС, XXV, с. 8]. Впрочем, критика протестантизма у Достоевского простирается гораздо дальше насущных вопросов, и в этом его взгляд отличается от взгляда Кельсиева. Достоевский, как и Кельсиев, видит в протестантизме *критику, отторжение* католичества, камуфлированное в форму самостоятельной религии, каковыми лютеранство или англиканство, по существу, не являются. Однако в противостоянии католиков и лютеран Достоевский, видимо, находясь под влиянием идей Н.Я. Данилевского, распознает и цивилизационный конфликт – девятнадцативековое противоборство римской и германской идеи. Вся Германия, убежден Достоевский, выросла из мечты о крушении Рима, и как только эта мечта будет полностью воплощена, исторический смысл существования германской нации будет утрачен.

Именно этими размышлениями, к примеру, обусловлено отношение Достоевского к штундизму: штунда, по мнению, высказанному им со страниц “Гражданина” в 1873 г., явление сколь случайное, столь и национальное. Русский крестьянин пришел к немцу поучиться хозяйственности и *правде*, движимый желанием *очнуться*, обретя свободу после Манифеста 19 февраля. “Главное, правды захотелось, правды во что бы ни стало, даже жертвуя всем, что было до сих пор ему свято. Потому что никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не замртишь и не искоренишь в сердце народа нашего

жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего” [ЛСС, XXI, с. 58]. Желая правды, мужики из Херсонской губернии тянутся к немецкому пастору лишь потому, что православное духовенство своих пастырских функций не исполняет. Вот почему люди увлечены ложным путем: “Ну какой в самом деле наш народ протестант и какой он немец? <...> И не заключается ли всё, всё, чего ищет он, в православии? Не в нем ли одном и правда и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего человечества? Не в православии ли одном сохранился божественный лик Христа во всей чистоте?” [Там же, с. 59].

В разбираемом нами фрагменте из записной тетради Достоевского упомянуты раскольники. В разговоре со Ставрогиным о перспективах политической агитации на шпигулинской фабрике Петр Верховенский ссылается на суждение Шатова: “...Шатов уверяет, что если в России бунт начинать, то чтобы непременно начать с атеизма. Может, и правда” [ЛСС, X, с. 180]. В логическом переходе разговора от пропаганды атеизма к возможным беспорядкам на фабрике можно увидеть *структурную* параллель с записью на стр. 60. В этом случае *возможность Тверитинова* – это возможность облечь социальный протест в религиозные формы.

Ливанов отдавал должное не только миссионерской убедительности Тверитинова, но и его организационным способностям. Тверитинов был медиком по роду занятий, а потому “звание врача и обширная практика давали ему возможность сблизиться со всеми классами общества...” [27, с. 182–183]. Сама пропаганда сводилась к простому и убедительному приему: Тверитинов раздавал всем желающим тетрадки с выдержками из Священного писания и краткими комментариями. По утверждению Ливанова, цитаты из тетрадок Тверитинова до сих пор используются молоканами в повседневной жизни [27, с. 183]. Исследователь Ф.А. Терновский комментировал состав тетрадей следующим образом: “Самостоятельной работе Д. Тверитинова принадлежала только группировка текстов и надписаний; все остальное взято из Библии и отцев” [29, с. 115].

В заключение укажем на еще один важный довод в пользу второй гипотезы. Обвинения, предъявленные духовным и светским судом Тверитинову и его ученикам, как бы распадаются надве части: с одной стороны, еретиков наказывали за распространение протестантизма, с другой – за *иконоборчество*. К примеру, 21 марта 1715 г. тверитиновское дело слушалось в Канцелярии Сената именно как “иконоборное” (см. [30, стлб. XIII]).

Следует заметить, что следствие и суд о Тверитинове и его товарищах длились не один год. Гражданские власти, согласно разысканиям Ф.А. Терновского, не исключая императора Петра, склонялись к тому, чтобы отпустить лекаря на свободу, приняв от него покаянное письмо. Рассматривался план торжественно огласить воссоединение Тверитинова с церковью, дабы вернуть врачу доброе имя. Однако Стефан Яворский убедил церковные и светские власти в том, что покаяние, принесенное Тверитиновым и др., притворное и что возвращать еретикам свободу не следует, а дознание надлежит возобновить. Участников религиозных собраний регулярно разлучали, переводя из одного монастыря в другой. Именно в это время случилось то *надругательство* над иконой, о котором писал в "Камне веры" еще митрополит Стефан Яворский. Из авторов, современных Достоевскому, наиболее полно и красноречиво этот эпизод пересказывал С.М. Соловьев в XVI томе "Истории России с древнейших времен" ("История России в эпоху преобразования", т. IV): «...Один из еретиков, Фома Иванов, был отдан под начал в Чудов монастырь, и велено его в оковах приводить в церковь во время службы; 5 октября [1714 г.], после заутрени, Фома вынул косарь⁵, принесенный им тайно из кельи, и перерубил по лицу образ св. Алексия митрополита "в церкви Благовещения, за железною решеткою стоящий по человечеству резной на серебре"; монахи и лампадчики едва успели схватить его и удержать. Приведенный в Духовный патриарший приказ, Фома сказал: отец его был посадский человек и жил в Твери; он, Фома, учился грамоте у попа; 22 года тому назад приехал в Москву, жил в разных домах, нанимался работать, на исповеди не бывал, в церкви хаживал и молился истинному богу, а иконам поклонялся; в прошлом 1713 году велено сыскать его в Преображенский приказ, где расспрашиван об иконоборстве, послан был в Петербург, оттуда — в Чудов монастырь и порубил образ для того, что икон, креста и мошей не почитает и не поклоняется, ибо иконы и крест — дела рук человеческих, а мощи его, Фому, не милуют; призывания святых и молитвы за умерших не приемлет, в евхаристии не верует быти истинному телу и крови Христовой, но просвира и вино церковное просто, и в книгах Ветхого и Нового завета не нашел ничего этого. Ни у кого не учился, до всего дошел сам, других не учил и не знает, кто бы с ним одинаково думал; подал покаяние, чтоб получить свободу, а если б получил свободу,

творил бы прежде; лекарь Тверитинов ему брат двоюродный» [31, с. 343–344].

Мотив иконоборчества занимает важное место в структуре романа "Бесы". Наиболее подробно он рассмотрен польской исследовательницей Д. Вальчак, возводящей размышления Достоевского о сходстве между иконоборчеством и нигилизмом к цитате из письма Белинского к Гоголю: "Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх Божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать*. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ" [Белинский, X, с. 215]; [32, с. 71]. В самом романе перед нами проходит целая вереница иконоклястов, как, например, подпоручик, ударивший и укусивший своего командира: "Сомнения не было, что сошел с ума, по крайней мере обнаружилось, что в последнее время он замечен был в самых невозможных странностях. Выбросил, например, из квартиры своей два хозьяйские образа и один из них изрубил топором; в своей же комнате разложил на подставках, в виде трех налоев, сочинения Фохта, Молешотта и Бюхнера и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечки" [ЛСС, X, с. 269]. Одним из самых ярких эпизодов в "Бесах" становится и эпизод поругания иконы Богородицы. Сошлемся на ценное наблюдение Вальчак: «Автором проводится четкое различие между самим ограблением образа — кражей части драгоценных камней из ризы — и "глумительным кошунством", которым был запуск живой мыши за стекло иконы (хотя, в отличие от кражи, мышь не причинила никакого физического вреда образу)» [32, с. 72]. Приведем, вслед за нашей коллегой, упрек, который кидает Петру Верховенскому Федька-каторжный: "Я, видишь, Петр Степанович, говорю тебе это верно, что обдирали; но я только зеньчуг поснимал, и почем ты знаешь, может, и моя слега пред горнилом всевышнего в ту самую минуту преобразилась, за некую обиду мою, так как есть точь-в-точь самый сей сирота, не имея насущного даже пристанища. <...> А ты пустил мышшь, значит, надругался над самым Божиим перстом. И не будь ты природный мой господин, которого я, еще отроком бывши, на руках наших нашивал, то как есть тебя теперича порешил бы, даже с места сего не сходя!" [ЛСС, X, с. 428].

Вальчак заключает, что Достоевский проводит четкую взаимосвязь между нигилизмом и иконоборчеством, с одной стороны, и иконой, церковью и государством — с другой. Ко времени

⁵ Разновидность тяжелого хозяйственного ножа.

публикации “Бесов” эти мотивы стали уже типичными в жанровой поэтике антинигилистического романа (исследовательница приводит пример из романа Вс. Крестовского “Кровавый пух”) (см. [32, с. 73, 74–75]). На наш взгляд, введение в наброски имени *Тверитинова* может послужить лишним указанием на то, что иконоборческая тема в “Бесах” простирается гораздо дальше “антинигилистического” жанрового задания.

Сама Вальчак неслучайно упоминает Кирилова, который, по меткому наблюдению Петра Верховенского, верует, “пожалуй, еще больше попа” [ЛСС₁, X, с. 471]. Обратимся к более позднему тексту — очерку “Влас” из “Дневника писателя” за 1873 г. Достоевский проводит тонкий психологический анализ поступка двух деревенских парней, один из которых вызвал своего приятеля на неслыханную дерзость, на богохульство: вынуть изо рта причастие, отойти в укромное место и выстрелить в причастие (т.е. в тело Христово) из ружья, *расстрелять Иисуса*. Юноша, не в силах противиться соблазну и трепеща от ужаса, исполняет почти все условия спора, но в последний момент видит перед собой распятого Христа и падает без чувств. Для Достоевского в этом эпизоде сконцентрированы все проблемы русской духовной жизни: потребность в серьезных нравственных испытаниях, в постоянном познании добра и зла, замороженном изучении бездны; и при том безошибочный инстинкт сердца, которое в последний момент не позволило совершиться ужасному греху, сознание которого могло бы навсегда уничтожить молодого крестьянина. Достоевский пишет о типе *русского безобразника*, который “прежде всего сам страдалец” [ЛСС₁, XXI, с. 36]. Заметим, что надругательство над причастием — гораздо более изощренная форма богохульства, нежели насмешка над иконой или даже ее уничтожение, несмотря на семиотическую близость этих деяний. Тем не менее, и в том, и в другом случае Достоевский оставляет пространство для разных интерпретаций. Последует ли за надругательством покаяние и примирение? Свидетельствует ли иконоборчество о поиске истины или об отпадении от нее? Разорение драгоценной ризы может обернуться глубоким пониманием своего проступка, а неудавшийся выстрел в причастие — драматичным духовным переломом.

За подобными случаями Достоевский видит не только теологические и этические, но и социальные проблемы. Так, во “Власе” он интересуется не только судьбой стрелка, но и судьбой его *искусителя*. Вопрос о том, раскаялся ли другой парень, подговаривавший друга, представляется

писателю важным в свете общественных перемен, вызванных реформами: “...Что, если это и впрямь настоящий нигилист деревенский, доморощенный отрицатель и мыслитель, не верующий, с высокомерною насмешкой выбравший предмет состязания, не страдавший, не трепетавший вместе с своею жертвою, как предположили мы в нашем этюде, а с холодным любопытством следивший за ее трепетаниями и корчами, из одной лишь потребности чужого страдания, человеческого унижения, — черт знает, может быть, из ученого наблюдения?” [Там же, с. 40]. Достоевский допускает вероятность того, что, освободившись, крестьянская молодежь начнет по-своему переживать все те интеллектуальные искушения, через которые проходят их сверстники-горожане.

Отсюда следует, что *возможность Тверитинова* подразумевает различные варианты пограничного религиозного опыта: пересмотр православных канонов и обрядов, стихийное иконоборчество, увлечение атеизмом, а может быть, и наоборот, путь штунды, испытание протестантизмом.

Так или иначе, эти сюжетные варианты не были реализованы, по крайней мере в том схематическом виде, в каком они были обозначены на стр. 60. Замысел “Бесов” продолжил трансформироваться. Тверитинов первой или второй гипотезы, вероятно, послужил Достоевскому вспомогательным материалом, опорной точкой для дальнейших размышлений над композицией произведения. Вымышленный филантроп из диалогов Самарина или религиозный вольнодумец петровского времени, он не занял в ряду исторических образов и прототипов романа того же места, что Грановский или Нечаев. Однако и такая крохотная деталь может быть полезна литературоведу при реконструкции идеологического и философского контекста романа “Бесы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ЛСС₁ — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- ЛСС₂ — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 т. СПб.: 2013—.
- Белинский — Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Издательство АН СССР, 1953–1959.
1. К истории нечаевского процесса. (Донесения и письма Н.Д. Горемыкина) // Красный архив. 1930. Т. 6 (43). С. 111–165.

2. Записные тетради Ф.М. Достоевского / Подг. Е.Н. Коншиной, И.И. Игнатовой. М.; Л.: Academia, 1935.
3. *Тверитинов А.Н.* Об объявлении приговора Н.Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. Воспоминания. СПб., 1906.
4. *Кантор Р.М.* Тверитинов, Алексей Николаевич // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. II. Семидесятые годы. Вып. IV. С–Я. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Стлб. 1681–1683.
5. *Петров Ф.А.* Популяризатор идей Чернышевского // Вопросы истории. 1979. № 8. С. 174–178.
6. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013.
7. *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. Paris: [б. и.], 1926.
8. *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011.
9. *Самарин Д.Ф.* Уставная грамота // Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. I. Крестьянское дело. М.: Типолиитография товарищества "И.Н. Кушнерев и К°", 1903. С. 1–18.
10. *Аксаков И.С.* Письмо к А.Д. Блудовой // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. IV. Ч. 2. СПб.: Императорская Публичная библиотека, 1896. С. 212–214.
11. *Пирогов Н.И.* Разговор мирового посредника о крестьянском деле с любопытным и недовольным // Пирогов Н.И. Сочинения. Т. I. Киев: Пироговское общество, 1914. Стлб. 794–816.
12. *Самарин Ю.Ф.* Ответ на статьи Д.Ф. Самарина, напечатанные в №№ 7 и 10 "Дня" // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. IV. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1911. С. 385–418.
13. *Попельницкий А.З.* Специальная цензура книг и статей по крестьянскому вопросу в 1861–1862 гг. // Русская старина. 1916. Т. 165. Февраль. С. 294–309.
14. *Самарин Д.Ф.* Передел общинных полей // Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. I. Крестьянское дело. М.: Типолиитография Товарищества "И.Н. Кушнерев и К°", 1903. С. 228–244.
15. *Корнилов А.А.* Деятельность мировых посредников // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. V. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 237–252.
16. *Бланк Г.Б.* Русский помещичий крестьянин // Труды Вольного экономического общества. 1856. Т. 2. № 6. Отд. II. С. 117–129.
17. [*Огарев Н.П.*] Разбор брошюры Н. Безобразова «Об усовершенствовании узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства» // Колокол. 1858. Л. 15. 15 мая. С. 117–122.
18. Поэты «Искры»: В 2 т. Т. 1. В. Курочкин. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1987.
19. <*Порецкий А.У.*> Наши домашние дела. Современные заметки // Время. 1862. № 7. С. 35–64.
20. *Трефилова Л.А.* Землевладение и землепользование горнозаводского населения посессионных заводов Пермской губернии в 1861–1917 гг. // Из рабочего класса и крестьянства Пермского края. Сб. ст. Пермь: Пермское книжное издательство, 1965. С. 46–68.
21. *Аскооченский В.И.* Киев с древнейшим его училищем Академиию. Ч. I. Киев: Университетская типография, 1856.
22. *Поселянин Е.Н.* Русская церковь и русские подвижники 18-го века. СПб.: И.Л. Тузов, 1905.
23. *Кельсиев В.И.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 1. Лондон: Trübner & Co, 1860.
24. *Стефан Яворский, Митрополит Рязанский и Муромский.* Камень веры Православно-Кафолической Восточной Церкви. СПб.: Общество Памяти Игуменья Таисии, 2010.
25. *Терновский Ф.А.* Московские еретики в царствование Петра I. Материалы по делу о Тверитинове. [Казань, 1863].
26. *Терновский Ф.А.* Следственное дело о московских еретиках в царствование Петра I и полемические сочинения против них. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1863.
27. *Ливанов Ф.В.* Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Т. I. СПб.: Типография доктора М. Хана, 1869.
28. *Ливанов Ф.В.* Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Т. II. СПб.: Типография доктора М. Хана, 1870.
29. *Терновский Ф.А.* Московские еретики при Петре I (*Окончание*) // Православное обозрение. 1863. Т. XI. С. 111–135.
30. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. I. СПб., 1868.
31. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. XVI. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1866.
32. *Вальчак Д.* Нигилист и икона. Революционеры-иконоборцы в романе Ф. М. Достоевского "Бесы" // LibriMagistri. 2018. V. С. 70–76.

33. Чернышевский Н.Г. Магистр Н. де-Безобразов — псевдоним! Библиографическое открытие! (Посвящается немецкому философу Фихте и русскому библиографу М.Н. Лонгинову) // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. X. М.: ГИХЛ, 1951. С. 71–77.

REFERENCES

Dostoyevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Complete Collected Works: In 30 Vols.] Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Dostoyevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 35 t.* [Complete Collected Works and Letters: In 35 Vols.] St. Petersburg, 2013–. (In Russ.)

Belinsky, V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t.* [Complete Collected Works: In 13 Vols.] Moscow, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)

1. *K istorii nechayevskogo protsessa. (Doneseniya i pisma N.D. Goremykina)* [To the History of the Nechaev Trial. (Reports and Letters by N.D. Goremykin)]. *Krasnyy arkhiv* [Red Archive]. 1930, Vol. 6 (43), pp. 111–165. (In Russ.)

2. *Zapisnyye tetrady F.M. Dostoyevskogo. Podg. E.N. Konshinoy, I.I. Ignatovoy* [Notebooks of F.M. Dostoyevsky. Prepared by E.N. Konshina, I.I. Ignatova]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. (In Russ.)

3. Tveritinov, A.N. *Ob obyavlenii prigovora N.G. Chernyshevskomu, o rasprostraneniі ego sochineniy na frantsuzskom yazyke v Zapadnoy Evrope i o mnogom drugom* [On the Announcement of the Judgement to N.G. Chernyshevsky, about the Distribution of his Works in French in Western Europe and Much More. Memoirs]. *Vospominaniya* [Memoirs]. St. Petersburg, 1906. (In Russ.)

4. Kantor, R.M. *Tveritinov, Aleksey Nikolayevich. Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Biobibliograficheskiy slovar. T. II. Semidesyatyye gody. Vyp. IV. S—Ya* [Tveritinov, Alexey Nikolaevich. Participants of the Revolutionary Movement in Russia. Biobibliographic Dictionary. Vol. II. Seventies. Iss. IV. S—YA]. Moscow, Vsesoyuznoye obshchestvo politicheskikh katorzhan i ssylno-poselentsev Publ., 1932. Col. 1681–1683. (In Russ.)

5. Petrov, F.A. *Populyarizator idey Chernyshevskogo* [Popularizer of Chernyshevsky's Ideas]. *Voprosy istorii* [Topics in the Study of History]. 1979, No. 8, pp. 174–178. (In Russ.)

6. Tsimbayev, N.I. *Slavyanofilstvo: iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX veka* [Slavophilism: Excerpts on the History of Russian Socio-Political Thought of the 19th Century]. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii Publ., 2013. (In Russ.)

7. Nolde, B.E. *Yuriy Samarin i ego vremena* [Yuriy Samarin and His Time]. Paris [b. i.], 1926. (In Russ.)

8. Khristoforov, I.A. *Sudba reformy: Russkoye krestyanstvo v pravitelstvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The Fate of Reform: The Russian Peasantry in Government Policy Before and After the Abolition of Serfdom (1830–1890s)]. Moscow, Sobraniye Publ., 2011. (In Russ.)

9. Samarin, D.F. *Ustavnyaya gramota* [The Statute Charter]. Samarin, D.F. *Sobraniye statey, rechey i dokladov. T. I. Krestyanskoye delo* [Collection of Articles, Speeches and Reports. Vol. I. Peasant Affair]. Moscow, Tipolitografiya tovarishchestva “I.N. Kushnerev i K” Publ., 1903, pp. 1–18. (In Russ.)

10. Aksakov, I.S. *Pismo k A.D. Bludovoy* [Letter to A.D. Bludova]. *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pismakh. T. IV. Ch. 2* [Ivan Sergeevich Aksakov in His Letters. Vol. IV. P. 2]. St. Petersburg, Imperatorskaya Publichnaya biblioteka Publ., 1896, pp. 212–214. (In Russ.)

11. Pirogov, N.I. *Razgovor mirovogo posrednika o krestyanskom dele s lyubopytnym i nedovolnym* [The Conversation of the Commune Conciliator on the Peasant Affair with the Curious Man and the Dissatisfied Man]. Pirogov, N.I. *Sochineniya. T. I* [Writings. Vol. I]. Kiyev, Pirogovskoye obshchestvo Publ., 1914. Col. 794–816. (In Russ.)

12. Samarin, Yu. F. *Otvet na statji D.F. Samarina, napechatannyye v №№ 7 i 10 “Dnya”* [Response to Articles by D.F. Samarin, Published in Nos. 7 and 10 of “The Day”]. Samarin, Yu.F. *Sochineniya. T. IV* [Works. Vol. IV]. Moscow, Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1911, pp. 385–418. (In Russ.)

13. Popelnitsky, A.Z. *Spetsialnaya tsenzura knig i statey po krestyanskomu voprosu v 1861–1862 gg.* [Special Censorship of Books and Articles on the Peasant Question in 1861–1862]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. 1916, Vol. 165, February, pp. 294–309. (In Russ.)

14. Samarin, D.F. *Peredel obshchinnykh poley* [The Repartition of Communally Owned Fields]. Samarin, D.F. *Sobraniye statey, rechey i dokladov. T. I. Krestyanskoye delo* [Collection of Articles, Speeches and Reports. Vol. I. Peasant Affair]. Moscow, Tipolitografiya Tovarishestva “I.N. Kushnerev i K” Publ., 1903, pp. 228–244. (In Russ.)

15. Kornilov, A.A. *Deyatelnost mirovykh posrednikov* [Activities of the Commune Conciliators]. *Velikaya reforma. Russkoye obshchestvo i krestyanskiy vopros v proshlom i nastoyashchem. T. V* [The Great Reform. Russian Society and the Peasant Question in the Past and Present. Vol. V]. Moscow, Tipografiya Tovarishestva I.D. Sytina Publ., 1911, pp. 237–252. (In Russ.)

16. Blank, G.B. *Russkiy pomeshchichiy krestyanin* [Russian Landowner's Peasant]. *Trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva. 1856. T. 2. № 6. Otd. II* [Works of the

- Free Economic Society]. 1856, Vol. 2, No. 6, Sec. II, pp. 117–129. (In Russ.)
17. [Ogarev, N.P.] *Razbor broshyury N. Bezobrazova "Ob usovershenstvovanii uzakoneniya, kasayushchikhsya do votchinnykh prav dvoryanstva"* [Analysis of the Brochure by N. Bezobrazov "On the Improvement of Laws Relating to the Patrimonial Rights of the Nobility"]. *Kolokol* [The Bell]. 1858, L. 15, May, 15, pp. 117–122. (In Russ.)
18. *Poety "Iskry". V 2 t. T. I. V. Kurochkin* [Poets of "Iskra". In 2 Vols. Vol. I. V. Kurochkin]. Leningrad, Sovetskiy pisatel, Leningradskoye otdeleniye Publ., 1987. (In Russ.)
19. <Poretsky, A.U.> *Nashi domashniye dela. Sovremennyye zametki* [Our Home Affairs. The Modern Notes]. *Vremya* [The Time]. 1862, No. 7, pp. 35–64. (In Russ.)
20. Trefilova, L.A. *Zemlevladieniye i zemlepolzovaniye gornozavodskogo naseleniya possessionnykh zavodov Permskoy gubernii v 1861–1917 gg.* [Landownership and Land-Use by the Mining Population of the Possessional Factories of the Perm Governorate in 1861–1917]. *Iz istorii rabochego klassa i krest'yanstva Permskogo kraja. Sb. st.* [Excerpts on the History of the Working Class and Peasantry of the Perm Krai. Collection of Articles] Perm, Permskoye knizhnoye izdatelstvo Publ., 1965, pp. 46–68. (In Russ.)
21. Askochensky, V.I. *Kiyev s drevneyshim ego uchilishchem Akademiyeyu* [Kiev with its Oldest School Academia]. Ch. I. Kiyev, Universitetskaya tipografiya Publ., 1856. (In Russ.)
22. Poselyanin, E. N. *Russkaya tserkov i russkiye podvizhniki 18-go veka* [Russian Church and Russian Ascetics of the 18th Century]. St. Petersburg, I.L. Tuzov Publ., 1905. (In Russ.)
23. Kelsiyev, V.I. *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskolnikakh. Vyp. 1* [Collection of Governmental Data on Schismatics]. London, Trübner & Co Publ., 1860. (In Russ.)
24. Stefan Yavorsky, Metropolitan of Ryazan and Murom. *Kamen' very Pravoslavno-Kafolicheskoy Vostochnoy Tserkvi* [The Stone of Faith of the Orthodox-Catholic Eastern Church]. St. Petersburg, Obshchestvo Pamyati Igumenji Taisii Publ., 2010. (In Russ.)
25. Ternovsky, F.A. *Moskovskiy eretiki v tsarstvovaniye Petra I. Materialy po delu o Tveritinove* [Moscow Heretics During the Reign of Peter I. Materials on the Tveritinov Case]. Kazan, 1863. (In Russ.)
26. Ternovsky, F.A. *Sledstvennoye delo o moskovskikh eretikakh v tsarstvovaniye Petra I i polemicheskiye sochineniya protiv nikh* [Investigative Case of Moscow Heretics During the Reign of Peter I and Polemic Writings Against Them]. Moscow, Universitetskaya tipografiya (Katkov i K^o) Publ., 1863. (In Russ.)
27. Livanov, F.V. *Raskolniki i ostrozhniki. Ocherki i rasskazy. T. I* [Schismatics and the Ostrog Prisoners. Essays and Short Stories. Vol. I]. St. Petersburg, Tipografiya doktora M. Khana Publ., 1869. (In Russ.)
28. Livanov, F.V. *Raskolniki i ostrozhniki. Ocherki i rasskazy. T. II* [Schismatics and the Ostrog Prisoners. Essays and Short Stories. Vol. II]. St. Petersburg, Tipografiya doktora M. Khana Publ., 1870. (In Russ.)
29. Ternovsky, F.A. *Moskovskiy eretiki pri Petre I (Okonchaniye)* [Moscow Heretics under Peter I (Ending)]. *Pravoslavnoye obozreniye* [Orthodox Review]. 1863, Vol. XI, pp. 111–135. (In Russ.)
30. *Opisaniye dokumentov i del, khranyashchikhsya v arkhive Svetleyshego Pravitel' svuyushchego Sinoda. T. I* [Description of Documents and Cases Stored in the Archive of the Most Holy Governing Synod. Vol. I]. St. Petersburg, 1868. (In Russ.)
31. Solovyev, S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. T. XVI* [History of Russia from the Earliest Times. Vol. XVI]. Moscow, Universitetskaya tipografiya (Katkov i K^o) Publ., 1866. (In Russ.)
32. Valchak, D. *Nigilist i ikona. Revolyutsionery-ikonobortsy v romane F.M. Dostoyevskogo "Besy"* [Nihilist and Icon. Iconoclast Revolutionaries in the Novel by F. M. Dostoevsky "The Possessed"]. *LibriMagistri*. 2018, No. V, pp. 70–76. (In Russ.)
33. Chernyshevsky, N.G. *Magistr N. de-Bezobrazov – psevdonim! Bibliograficheskoe otkrytie! (Posvyashchatsya nemeckomu filosofu Fihte i russkomu bibliografu M.N. Longinovu)* [Master N. de-Bezobrazov is a Pseudonym! Bibliographic Discovery! (Dedicated to the German Philosopher Fichte and the Russian Bibliographer M.N. Longinov)]. Chernyshevsky, N.G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 15 t. T. X* [Complete Works in 15 Vols. Vol. 10]. Moscow, GIHL Publ., 1951, pp. 71–77. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 июня 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 июля 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on June 24, 2021

Revised on July 27, 2021

Accepted on October 15, 2021

Date of publication: December 31, 2021